

КАК Я СТАЛ ИСТОРИКОМ

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Palabugin V.K.

HOW I BECAME A HISTORIAN

Bunin Yelets state University

Реферат: Автор мемуаров – Палабугин Виталий Константинович (1940-2016), проработавший в 1967-2012 гг. в Елецком педагогическом институте (университете) и написавший их в 2008 г. Содержание мемуаров охватывает период, начиная время учебы в Пермском университете с 1957 г, в дальнейшем – в аспирантуре Института истории АН СССР и работу в Ельце до середины 1980-х гг. Рукопись озаглавлена автором «Как я стал историком», она не имеет подзаголовков, однако, по содержанию структурно выделяются три раздела об учебе в вузе, обучение в аспирантуре и елецкий период жизни. Публикуемая первая часть мемуаров отражает студенческий период. Наибольший интерес представляет восприятие бывшим студентом хромота учебного процесса и краткие ремарки о своих преподавателях. Иллюстрации и примечания – редакторская работа.

Ключевые слова: Палабугин Виталий Константинович, Пермский университет, студенческие годы в университете, Л.Е. Кертман, В.А. Оборин, О.Н. Бадер, Я.Б. Рабинович. П.И. Хитров.

Abstract: The author of the memoirs – Palabugin Vitaly Konstantinovich (1940-2016). He was an associate Professor at the Yelets pedagogical Institute (University) (1967-2012). Memoirs written in 2008. The manuscript is entitled "How I became a historian". In the manuscript three distinct sections of study in the University, teaching in graduate school and work in Yelets. The published first part of the memoirs reflects the student period. The most interesting personal memories of the teachers.

---

¹ Палабугин Виталий Константинович – кандидат исторических наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина. О нем см.: [7].

Keywords: *Palabugin Vitaly Konstantinovich, Perm state University, L.E. Kertman, V.A. Oborin, O.N. Bader, B.Ya Rabinovich. P.I. Khitrov, student years at the University.*

В июне 1957 года я заканчивал учебу в средней школе города Уфы – столицы Башкирской АССР, сдавал выпускные экзамены. Интересно, что в том году выпускной экзамен по истории в школах отменили: после XX съезда КПСС было неудобно требовать от выпускников изложения сталинских лозунгов.

Еще зимой я уже стал задаваться вопросом, в какой вуз поступать. Техническое образование меня не прельщало, поскольку я был по натуре гуманитарием. Я решил стать историком. После долгих размышлений, советов с родителями я пришел к выводу, что надо поступить на исторический факультет университета. Тогда на Урале было два университета – в Перми и Свердловске. Пермский университет считался более солидным, чем Свердловский. Он существовал с 1916 года на базе части Юрьевского (Тартуского) и Петроградского университетов, эвакуированных в Пермь в период Первой мировой войны. Местные купцы согласились его принять, понимая, что это важно для региона,

и выделили солидное здание². Еще меня привлекало, что Пермь – родина моей мамы !

И вот в августе 1957 года я стал студентом историко-филологического факультета Пермского государственного университета. В 1959 году факультет разделили на истфак и филфак.

Главное здание Пермского университета, где был факультет, привлекало внимание своим своеобразным видом (рис.1; рис.2). По современным стандартам оно, вообще, не отвечало учебным требованиям: большинство аудиторий были узкими клетушками. Ряды столов и стульев стояли очень тесно. Мы с трудом пролезали на свои места. В некоторые аудитории можно было пройти только через смежные, что было крайне неудобно. Внешний вид пятиэтажного здания был темным, мрачным. Лет через 20 я оказался в Перми в научной командировке. И одно из наших заседаний проходило уже в огромном современном, свежем пяти

---

² О ранней истории главного здания университета см.: Н.Д. Аленчикова, 2011 [1]; о раннем периоде в истории вуза см.: Л.А. Обухов, 2011 [6].

этажном здании ПГУ, выстроенном вблизи от старого корпуса. Естественно, из многих моих

преподавателей уже почти никого не осталось.

Рис. 1. Пермский университет. Фото середины 1950-х – начала 1960-х гг.

Когда я поступил в ПГУ, там еще хорошо помнили о событиях, которые потрясли [не только] Пермский университет, а практически все крупные вузы страны в 1956 году. После XX съезда КПСС хрущевские разоблачения сталинского культа вызвали брожение в ПГУ, особенно на истфаке. На студенческих собраниях звучали резко критические выступления. Молодые энтузиасты требовали объективного расследования сталинской коллективизации, разгрома

ленинской партийной гвардии, демократизации общественной жизни. Кончилось тем, что начались персональные разборки, чистки студенческих рядов. Больше всего пострадал мужской контингент, как наиболее активный, многих исключили (хорошо, хоть сажать не стали), и те ушли работать на промышленные предприятия, или забрали в армию. Оставшиеся притихли, и, когда я учился, уже никаких диссидентских выступлений не наблюдалось.

Соперником Пермского университета, если так можно выразиться, был тогда Свердловский университет. Но Пермский университет имел более богатые традиции. Во всяком случае, истфак ПГУ выглядел солиднее. Преподаватели ПГУ занимались историей Урала в целом. В начале 60-х годов выпустили 2-х томную историю Урала, лет через 10 выпустили новое издание. Помню, в 1970 году мне пришлось побывать в Донецке, и заведующий кафедрой Истории СССР Донецкого университета, узнав, что я выпускник ПГУ, с завистью заметил: «Вот пермяки молодцы – историю Урала выпустили, а мы никак не можем создать историю Донбасса». Преподаватели истории Свердловского университета тогда занимались более узкими проблемами: историей рабочего движения и большевистских организаций Урала. Кафедра всеобщей истории ПГУ занималась проблемами истории рабочего движения в Германии и Англии.

Учиться мы начали в середине октября. А до этого полтора месяца были на сельскохозяйственных работах. Причем всех студентом ПГУ, исключая выпускные курсы, взяли на Алтай, на целинные земли. Перед вторым курсом нас также

возили на сельхозработы, тоже почти на полтора месяца, но уже в Северный Казахстан, в Кокчетавскую область. Эти экспедиции, как теперь понятно, были предтечей студенческих отрядов. Перед третьим и четвертым курсами мы ездили в пригородные хозяйства убирать картофель.

В университете студентов не только накачивали знаниями по специальности, но и готовили к преподавательской работе. С 1955 года провинциальные университеты были ориентированы на подготовку школьных учителей. Правда, уже работая в Елецком пединституте, я понял, что в университетах эта ориентация была весьма слабовато поставлена. И неудивительно, изначально гуманитарные факультеты университетов имели цель готовить кадры для вузов определенных государственных учреждений. Н.С. Хрущев эту ориентацию изменил. Но все-таки, признавалось, что задачей университетов оставалось также приобщение студентов к научной работе. Поэтому на каждом курсе студент был обязан не только сдавать экзамены и зачеты по итогам изученных в течение года предметов, но и представить к защите курсовую работу, а на выпуске – дипломную. Этому

способствовал
библиотечный
Сохранилось
дореволюционных

неплохой
фонд ПГУ.
много
изданий, а

главное – изданий 1920-1930 – х
годов. Многие были в спецхране, а
теперь возвращено в открытый
доступ.

Рис. 2. Пермский университет. Старый корпус. Современное фото.

В то время состав преподавателей на истфаке ПГУ был своеобразным. Было несколько преподавателей, сосланных в ПГУ в конце 1940-х годов из университетов Москвы, Ленинграда, Киева в период борьбы с еврейским космополитизмом, украинским национализмом, сомнительным поведением в годы немецкой оккупации. Были также

реабилитированные после смерти Сталина. Курс истории древнего мира вел у нас Ю.М. Рекка, родом из Курской области, после войны молодым сослан на Урал, за какие-то грехи военного времени. Лекции читал великолепно, также интересно вел семинары. Мне запомнились его пожелания: читайте исторические журналы – это кухня историка – профессионала. Не просто зубрите

факты и даты, а старайтесь диалектически мыслить – выявлять причинно-следственные связи исторических событий.

На втором курсе историю средних веков вел В.Т. Сиротенко – доцент, сосланный из Днепропетровского университета за украинский национализм. Все пытался доказать, что украинцы являются прямыми потомками готов. Но средневековье знал превосходно. Старшекурсники нам рассказывали, что в своих лекциях Сиротенко не стремился углубляться в дебри марксистско-ленинской историософии, читал, давая яркие, иной раз сатирические характеристики королям, политикам и другим историческим персонажам и событиям (как это делали наши корифеи В.О. Ключевский, Е.В. Тарле). И на лекциях Сиротенко всегда было полно студентов, даже с других факультетов приходили.

Но вот в 1956 году группа студентов-коммунистов написала жалобу в деканат по поводу своеобразного чтения лекций. И Сиротенко перешел на обычную, рутинную систему чтения. И нам его лекции уже не казались особо интересными. Экзамены Сиротенко принимал весьма своеобразно. Он любил задавать неожиданные, неординарные вопросы типа – Кто

такая Кампанелла? Что такое Цвингли? Чем приводил в ступор наших девиц (а их было большинство на факультете).

Историю СССР до петровских времен нам читал С.М. Токсинский. Он же вел практические занятия. Доцент Тонсинский был ссыльным «космополитом» из Ленинграда. Его кандидатская диссертация была посвящена петровской газете «Ведомости». И многие семинары он сводил к изучению этой газеты и все, что с ней связано. Кроме того, Тонсинский состоял еще куратором нашего курса. Правда, как человек солидный и в возрасте, он себя не слишком обременял кураторством.

Вообще, в ПГУ институт кураторов особо не просматривался. Жизнь студентов заправляли студенческие общественные организации. И, видимо, тогда это было закономерно. В те послевоенные годы контингент студентов был серьезным, уже успевшим пройти определенную школу жизни. Много было бывших армейцев, производственников, ветеранов войны. И они создавали в вузах достаточно серьезную, деловую атмосферу, державшую под контролем элементы студенческой вольницы, и, если надо, быстро реагировали на всякие не нормальные эксцессы. На моем

курсе учились два члена партии – ветераны Великой Отечественной войны. Многие наши девицы до поступления в ПГУ работали на промышленных предприятиях.

Курс истории КПСС дооктябрьского периода вел у нас профессор Я.Р. Волин – тоже ссыльный из Ленинграда. Это был «златоуст», зав.кафедрой истории, человек весьма осторожный и гибкий.

На третьем курсе новую историю нам читал доцент К.И. Ларькина – советская немка, репрессированная накануне войны еще молодой преподавательницей. После смерти Сталина реабилитированная. Лекции ее были всегда добротны.

На четвертом и пятом выпускном курсах лекции по новейшей истории читал профессор Л.Е. Кертман, сосланный «космополит» из Киевского университета. Он вел еще спецкурс по международным отношениям. Кертман был фронтовик, воевал под Москвой, дошел до Берлина. Лекции его были глубокими, аналитичными и интересными. У Кертмана со студентами, особенно с теми, кто проявлял неподдельный интерес к истории новейшего времени, отношения были товарищеские. На семинарах и, особенно, в частных беседах он не мало рассказывал о

международных событиях современности – то, что в лекции не влезало или не нужно было это излагать всенародно.

Так вот, Л.Е. Кертман нетривиально излагал нам канву исторических, внешнеполитических событий, рекомендовал читать журналы. Его научные интересы были сосредоточены на изучении лейбористского движения в Великобритании. В то время, когда я учился, он писал докторскую под руководством академика И.М. Майского и успешно ее защитил накануне нашего выпуска³.

На третьем курсе лекции по истории СССР пореформенного периода (1861-1917) читал и довольно скучно доцент П.И. Хитров. Он защитил в Ростовском университете кандидатскую диссертацию по истории гражданской войны на Дону. Но в Ростове его не оставили. Были какие-то не понятные нюансы в его жизни в период немецкой оккупации, и Хитрова сослали в Пермь. Правда, как он сам как-то обмолвился, обещали вернуть в Ростов. Кстати, когда я был в 1974 году в Ростовском НПК, то узнал, что после войны произошла ротация

---

³ О Л.Е. Кертмане см.: Л.Л. Кертман, 2017 [3]; М.П. Лаптева, 2017 [4]; А.Б. Цфасман, 2017 [9].

преподавательских кадров во многих вузах Ростова. Многих ростовчан, особенно обществоведов, перевели в вузы на восток России, а в Ростов прислали преподавателей из вузов крупных, центральных городов. Хитров все это очень переживал, и в мое пребывание дело у него иной раз доходило до пьяных скандалов.

В момент моей учебы Хитров был в числе авторов, работавших над историей Урала. Каждое лето ездил по уральским городам, рылся в архивах, снимая копии документов, касающихся развития капитализма. И в эти экспедиции привлекал и студентов. В частности, с моего курса два лета ездили с Хитровым я и еще несколько человек. Эти поездки помогли мне освоить работу в архивах и набрать материал для своей дипломной.

Теперь о коренных, пермских преподавателях. На первом курсе археологию вел у нас доцент В.А. Оборин – ученик известного археолога, советского немца О.Н. Бадера, которого тоже сослали в Пермь, а потом он возвратился в Москву. Оборин читал курс интересно, но археология меня не занимала⁴. Летом 1958 года он уговорил группу наших девчонок

поехать в археологическую экспедицию. Целый месяц они копали на берегу Камы. Судя по фотографиям, которыми хвастали эти девицы, они больше времени проводили, купаясь и загорая. Вообще, неплохо отдохнули на природе.

Историю южных и западных славян нам преподавала доцент А.З. Нюркаева, интересная обликом, миниатюрная женщина лет 40, но все еще не замужем. Своим певучим, гортанным голосом она в поэтическом тоне повествовала нам о наших братьях-славянах. Мы за глаза называли ее «лапонькой». Когда мы уже были на выпускном курсе, наши девицы сочувственно шумели, что «лапонька», наконец, устроила свою судьбу, обрела мужа и даже забеременела.

Историю Востока нам преподавал доцент А.И. Малыгин, уже пожилой, седой. Ларькина шутила, что у Малыгина вся небольшая квартира завалена книгами, и он уже не помнит, что и где лежит. Историю Китая, Кореи и Японии читал доцент Чиликин, не здорово. Полный толстяк, высокого роста. В годы войны он служил военным переводчиком на дальнем Востоке. Запомнилось, что лекцию по истории Кореи он начинал так:

---

⁴ О О.Н. Бадере и В.А. Оборине см.: Р.Д. Голдина, 2011 [2]; О.М. Мельникова, Е.М. Черных, 2011 [5].

«История древней Кореи темна и загадочна».

Историю СССР XVIII- первая половина XIX вв. нам читал сам декан, доцент К.С. Маханен, полный пожилой мужчина среднего роста. Читал он довольно скучно и монотонно, но был как декан, хотя и серьезен на вид, но по натуре незлобив и добродушен.

Историю советского общества вел у нас на третьем курсе старший преподаватель М.А. Алексеев – старый партийный функционер, участник гражданской войны. Чувствовалось, что он многое помнит и знает о 1920-1930 годах, но не стремится все это высказать нам. Но иной раз у него проскальзывали весьма сочувственные нотки о деятельности Троцкого в годы гражданской войны, о Бухарине, осторожная критика Сталина.

Спецкурс по истории народного хозяйства нам читал доцент М.И. Черныш. Он занимался исследованием земского движения в Пермской губернии, выпустил неплохую монографию. Его лекции были суховаты, но привлекало обилие конкретного материала и критический анализ литературы.

Практические занятия по дореволюционной истории СССР вели у нас преподаватели К.К. Демиховский, Е.М. Мильман, Я.Б.

Рабинович⁵. Мильман все налегал на историю железнодорожного строительства на Урале. Рабинович интересно вел семинары с уклоном на изучение революционного движения в Пермской губернии. У него, как раз, вышла интересная книжка о деятельности народников «Пермские «декабристы».

Краеведение, т.е. историю Урала, нам читал на третьем курсе молодой преподаватель В.В. Лукин. Он постоянно смущался, особенно от пристальных взоров наших девиц, хотя уже был женат, - что-то тихо бормотал с кафедры. Мы с трудом улавливали его речь, потом эти усилия надоедали и мы занимались своими делами: готовились к очередному семинару, переводили «тысячи» по инязу или просто тихо беседовали с соседями.

Среди курсов по выбору у нас были историография и источниковедение истории СССР.

Из современных иностранных языков у нас было два – английский и немецкий. Соответственно наш курс был разделен на две группы. В группы включали студентов, учитывая какой язык они учили в школе. Я был в английской группе. Большим плюсом для «немцев» было то, что истфак получал

---

⁵ О Я.Б. Рабиновиче см.: Г.Н. Плотникова, С.Н. Плотников, 2015 [8].

немецкий исторический журнал, выходивший в ГДР, и преподавательница заставляла переводить статьи из этого журнала. Нам, «англичанам», приходилось довольствоваться газетой «Московские новости» - единственное тогда широко доступное в СССР издание на английском языке.

На первом курсе один семестр мы учили латинский язык, второй – древнерусский. И преподаватели, и мы прекрасно понимали, что эти языки нам вряд ли когда понадобятся. Поэтому особого усердия в их познании никто не проявлял. И благополучно, получив зачет, мы без хлопот разошлись.

На пятом курсе мы прослушали курс лекций по атеизму. Читал его доцент Письманик. Читал он как проповедник: вкрадчивым голом, закатывая глаза и плавно, покачивая, в такт речи руками. Читал интересно, иллюстрируя теоретические положения конкретными примерами из жизни Перми и собственной практикой. Тем более, что тогда во всю развернулась инспирированная Н.С. Хрущевым антирелигиозная кампания. Пермская администрация предпринимала мощные усилия по закрытию церквей. Лет через 20 я побывал в Перми на научно-

атеистической конференции, вновь слушал Письманика. Он уже стал доктором наук, из худощавого мужчины стал весьма объемным, постарел. Но доклад делал со знакомыми ухватками.

Надо добавить, что, как правило, наши преподаватели начинали каждую большую тему курса с ее краткой историографии.

На втором курсе у нас один семестр было музееведение. Вела его М.Н. Лукьянова, молодая сотрудница Пермского краеведческого музея, выпускница нашего истфака. Самое интересное было в нескольких посещениях, знакомство с музеем, его экспозициями. Он размещался тогда в бывшем кафедральном соборе. Там тоже размещалась и картинная галерея, весьма богатая для провинции. Все-таки Пермь была когда-то губернским городом, жили здесь богатые заводчики, купцы, скупавшие для своего удовольствия произведения искусства. Теперь все это хранилось в Пермском музее.

Был у нас также курс архивоведения. Его вела также молодая выпускница нашего истфака Н.Д. Аленчикова. Несколько раз она проводила практические занятия в областном архиве. И здесь мы получили первые навыки работы в архивах.

Как я говорил, уже на первом курсе каждый из нас выбрал тему курсовой работы и под руководством преподавателя, предложившего тему, ее готовил. Изучал литературу, сборники документов, сидел, если тема требовала, в архивах. В конце учебного года публично защищал свою работу перед сокурсниками. Автора курсовой работы тревожили не столько замечания руководителя – всякие неточности, погрешности устранялись в ходе подготовки работы, на консультациях, а вот, сокурсники могли на защите задать, какие-нибудь неудобные, непредвиденные вопросы и оконфузить защищавшегося.

На первом курсе мы писали курсовые по истории древнего мира. Я выбрал тему по принципату Августа, поскольку меня интересовало зарождение в древнем Риме жестко централизованной императорской власти. Мой руководитель Ю.Ю. Рекка одобрил мой труд, но отметил, что я через чур ударился в описательную часть и очень мало внимания уделил анализу социально-политических процессов и причин установления принципата.

На втором курсе я выбрал у В.Т. Сиротенко тему по социально-политическим связям католического

Запада и православной Москвой в XVI в. Сиротенко меня сильно раскритиковал, и по заслугам. Он отметил узость источниковой базы. Я литературу в основном изучал в библиотеке Пермского пединститута. Там было много дореволюционных научных журналов, в которых имелся богатый материал по моей теме, что меня и прельстило. Но я поленился поработать в городской библиотеке. Но главное – Сиротенко упрекал меня за некритическое отношение к использованной литературе. Вот это было уже серьезно, и я впоследствии всегда помнил необходимость этого.

На третьем курсе началась специализация. Мы должны были выбирать : кто будет делать курсовые, а далее и выпускные дипломные работы по истории СССР, а кто – по всеобщей истории. По всеобщей истории надо было более - менее владеть иностранным языком, но главное – было недостаточно литературы и других источников, чтобы сделать добротную работу. И я решил специализироваться по истории СССР. Выбрал тему по внешней политике СССР в 1930 – е годы. Руководителем был М.А. Алексеев. Я привлек солидный круг источников: литературу, документальные сборники

(наступили времена, когда по моей теме пошли обильные публикации - был как раз разгар хрущевской оттепели). Работа получилась интересная. Я даже высказал ряд критических мыслей о нашей внешней политике того времени, о нашей агрессивной позиции в отношении Финляндии в 1939-1940 гг., и еще много чего, что расходилось с официальными трактовками. И на защите я ждал, что Алексеев все это отметит и похвалит. Но он, видимо, как стреляный воробей, это мое усердие замолчал, но похвалил за популярность: что это готовая публичная лекция. Меня, естественно, это здорово разочаровало. Но Алексеев меня и еще несколько моих сокурсников привлек в группу лекторов-пропагандистов, которой он руководил. И мы периодически выступали на предприятиях города.

На четвертом курсе я уже на основе архивных изысканий делал курсовую о революционном движении в горнозаводских районах Урала. Мои руководителем был П.И. Хитров. Это уже была первая ступень к диплому. И все студенты на 4-ом курсе должны были делать курсовые с прицелом на диплом. По мнению моего руководителя, курсовая у меня получилась не

плохая. Я показал умение работать с материалом.

Поскольку нас готовили к работе в школе, то на четвертом курсе была у нас в феврале – марте 1961 года педагогическая практика. Мой курс разделили на группы человек по 10. Я проходил педпрактику в 8 м классе одной из центральных школ Перми. Нашей группой руководил Ю.М. Рекка. Практика наша прошла на приемлемом уровне, но это, конечно, не пединститут, и никакой летней практики в пионерских лагерях у нас не было.

И вот последний, пятый курс. Весь сентябрь мы провели на производственной археографической практике. Наш курс разделили на две группы. Одна группа поехала в Москву, другая – в Ленинград. Я попал в первую группу. Мы работали в Центральном госархиве Октябрьской революции (ЦГАОРе) на Пироговке, а также в Ленинской библиотеке. Общее руководство осуществлял П.И. Хитров. Правила работы в ЦГАОРе были строгими. Мы должны были сдавать свои тетради с выписками на просмотр архивариусу. На другой день он их нам возвращал. Иной раз мы замечали вымарки, т.е. наш цензор счел, что некоторые материалы нельзя было фиксировать по идеологическим причинам. Таких

строгостей я не встречал в провинциальных архивах. А, вообще, эти строгости были остатками сталинской секретности. Раз уж нам выдавали для работы архивные дела, то они без особого распоряжения уже не могли считаться секретными, и их можно было использовать без ограничений. И это еще было связано с тем, что в то время гражданские архивы все еще оставались в ведении МВД.

В последнем семестре у нас развернулась напряженная работа по написанию дипломных. В расписание занятий были включены свободные дни, в которые мы должны были сидеть в библиотеках и работать с литературой или текстом своих дипломных. Иной раз, особенно, в апреле приходилось и ночами корпеть. В мае у нас прошли последние курсовые зачеты и экзамены.

На пятом курсе я уже на основе курсовой сделал дипломную работу «Из истории большевистских организаций Уфимской губернии периода империализма (Уфимский и Златоустовский уезды)». Тем более, что под руководством Хитрова я работал в архивах Казани, Уфы, Златоуста. В Казанском областном архиве в делах Казанской окружной судебной палаты «О волнениях рабочих Мотовилихинского

орудийного завода (тогда это был пригород Перми) в 1905 году» я обнаружил упоминание о своем деде (по матушке), Якове Хомякове – заводском мастере, привлекающимся к административной ответственности. Так что документального материала набралось с избытком. Хитров передал руководство моей дипломной работы ректору ПГУ, доктору исторических наук, профессору Ф.С. Горовому. Горовой довольно поверхностно мной занимался. Понятно, что у него как ректора была масса всяких административных и других забот. Но он все-таки внимательно просмотрел мой опус и одернул меня за «ячество». Ибо я, как молодой, самоуверенный неофит, слишком неприлично выпячивал свои «новые мысли», свои «независимые подходы» и т.п. отсебятину. Эта критика, конечно, меня задела, но и отрезвила. И защита дипломной работы пошла успешно.

В начале июня мы защитили свои дипломные. И затем прошли государственные экзамены. Мы должны были сдать два: историю КПСС и гражданскую историю. Поскольку дипломная работа у меня была по истории СССР, то сдавал я новую и новейшую историю.

2 июня 1961 года нам выдали дипломы. Затем мы заявили в Облоно, получили направления на работу. Я получил направление в среднюю школу поселка Кордон. Поселок, в котором находился крупный леспромхоз, располагался на границе Пермской и Свердловской областей. Через поселок проходила железнодорожная магистраль Пермь – Свердловск. В этой школе я проработал два года. В школе я нашел свою жену Бэлу. Это была красивая, статная, обаятельная, веселая хохлушка. Она тоже кончила ПГУ, только училась на биохимическом факультете и преподавала в школе химию.

Работать в школе долго я не думал. Наоборот, собирался уже в конце 1964 года поступать в аспирантуру. Моя Бэла

поддерживала мои намерения. Здесь был выбор: или поступать в свой ПГУ или, попытаться в Москву – в академический Институт истории. Некоторые преподаватели, которые учили меня в ПГУ, советовали попытаться счастья в Москве.

Летом я сделал требуемый для поступления реферат, в котором проанализировал плюсы и минусы развития сельского хозяйства в первые послевоенные годы, используя критические откровения Н.С. Хрущева. Тем более, что к лету 1964 года его речение и откровения были изданы в 20 томах. В течение месяца я все это скомпилировал, снабдил своими рассуждениями и комментариями. Получилось удачно, мне даже самому понравилось.

В конце августа я поехал в столицу .....

(продолжение следует)

Список литературы:

1. Аленчикова Н.Д. От ночлежного дома – к университету. История главного корпуса университетского городка в Перми (к 160-летию Н.В. Мешкова) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 3 (17). С. 134-138.
2. Голдина Р.Д. Археологической школе Пермского университета 65 лет // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 1(15). С. 5-8.
3. Кертман Л.Л. Воспоминания дочери // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2017. № 3 (38). С. 7-17.
4. Лаптева М.П. Азбука моих воспоминаний // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2017. № 3 (38). С. 8-23

5. Мельникова. О.М., Черных Е.М. Камская археологическая экспедиция Пермского университета в истории региональной археологии // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 1 (15). С. 9-11.

6. Обухов Л.А. Власть и профессура (из истории Пермского университета 1917-1931 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2011. № 2 (16). С. 9-11.

7. Палабугин Виталий Константинович: библиографический указатель /сост. В.И. Ряполова, авт. вступ. ст. Д.А. Ляпин. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. 32 с.

8. Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. Памяти учителя: портрет на фоне эпохи. К 95 – летию Я.Б. Рабиновича // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2015. № 4 (31). С. 237-245.

9. Цфасман А.Б. «Я себя под Кертмана чищу» (эпизоды памяти аспирантских лет) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2017. № 3 (38). С. 24-32.

References:

1. Alenchikova N.D. Ot nochlezhnogo doma – k universitetu. Istoriya glavnogo korpusa universitetskogo gorodka v Permi (k 160-letiyu N.V. Meshkova) // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2011. № 3 (17). S. 134-138.

2. Goldina R.D. Arheologicheskoy shkole Permskogo universiteta 65 let // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2011. № 1 (15). S. 5-8.

3. Kertman L.L. Vospominaniya docheri // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2017. № 3 (38). S. 7-17.

4. Lapteva M.P. Azbuka moih vospominanij // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2017. № 3 (38). S. 8-23

5. Mel'nikova. O.M., Chernyh E.M. Kamskaya arheologicheskaya ekspediciya Permskogo universiteta v istorii regional'noj arheologii // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2011. № 1 (15). S. 9-11.

6. Obuhov L.A. Vlast' i professura (iz istorii Permskogo universiteta 1917-1931 gg.) // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2011. № 2 (16). S. 9-11.

7. Palabugin Vitalij Konstantinovich: bibliograficheskij ukazatel' /sost. V.I. Ryapolova, avt. vstup. st. D.A. Lyapin. Elec: EGU im. I.A. Bunina, 2013. 32 s.

8. Plotnikova G.N., Plotnikov S.N. Pamyati uchitelya: portret na fone epohi. K 95 – letiyu Ya.B. Rabinovicha // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2015. № 4 (31). S. 237-245.

9. Cfasman A.B. «Ya sebya pod Kertmana chishchu» (epizody pamyati aspirantskih let) //Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2017. № 3 (38). S. 24-32.